

Пронкин С.В.

Современные исследования правительственного конституционализма XVIII – начала XX века

Особенности развития историографии. Современный этап развития исторической науки открыла «перестройка» 1985 – 1991 гг., но не начало её, а вторая половина¹. События в те годы развивались очень быстро, но новая общественно-политическая обстановка сложилась не сразу, большинство исследований, вышедших в 1985 – 1987 гг., органически связано с предшествующей советской историографией. Это объяснялось не только невозможностью для многих историков быстро скорректировать свои мировоззренческие установки. Кто-то из них не хотел «поступаться принципами», в которые искренне верил, другие – признавать собственные прошлые научные ошибки. Наконец, существовали и технические причины, препятствовавшие обновлению исторической науки, быстрому распространению новых подходов к феномену правительственного конституционализма. Путь от подготовки рукописи до её публикации занимал тогда немало времени, что часто приводило к общественно-политическому и научному устареванию «новейших исследований». Труды, казавшиеся новыми и острыми во время работы над ними, оказывались пресными и постными в момент их публикации. Эти трудности не испытывала публицистика, для которой «перестройка» стала «золотым веком».

Происходившие политические перемены создали благоприятные условия для исследования истории отечественного конституционализма. Возникла возможность действительно объективного изучения предшествовавших попыток перехода России к конституционному строю, одновременно сформировался общественный запрос на данную проблематику. Россия вновь приступила к радикальным политическим реформам, поэтому рост интереса к прошлому реформаторскому опыту был закономерен. В определённой степени повторился феномен эпохи «великих реформ» середины XIX в. Сходство состояло, конечно, не в степени доступности архивов, не в количестве находящихся в распоряжении историков документальных материалов (здесь современные исследователи имеют неоспоримое преимущество), а именно в

---

¹ Публикация завершает серию статей о традициях изучения правительственного конституционализма XVIII – начала XX вв. См.: Политический кризис 1730 г. в литературе XVIII - первой половины XIX вв // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. Вып. 26; Акты правительственного конституционализма в исследованиях второй половины XIX – начала XX вв. // Там же. 2011. Вып. 27; Советская историография правительственного конституционализма XVIII-начала XX вв. // Там же. 2011. Вып. 29.

актуальности проблемы. Движение СССР, а затем Российской Федерации к конституционному строю должно было основываться на познании приобретённого политического опыта. Одновременно следовало выяснить причины неудач предшествующих попыток превращения России в правовое государство с представительной формой правления. Сходство двух эпох проявилось и в воссоздании в новых условиях той конфигурации направлений в историографии, которая сложилась на рубеже XIX – XX вв. Прежние резкие идеологические разногласия, правда, исчезли, но доминировавшие тогда позитивное и критическое направления историографии остаются ведущими и в современных публикациях. На практике же, как и в прошлом, конкретная работа может не принадлежать к одному из классических концептуальных направлений, а стоять между ними, сочетая их отдельные элементы.

Но приобретённая интеллектуальная свобода, новые возможности для публикации результатов исследований несут и некоторую опасность. Во-первых, появилось значительное число работ публицистического или научно-популярного оттенка, которые слишком вторичны для того, чтобы считаться полноценными научными исследованиями. В «перестроечные» и особенно первые «постперестроечные» годы некоторые авторы пошли по пути наименьшего сопротивления. «Новизна» их работ заключалась преимущественно в том, что, отказавшись от догматических оценок советской историографии, они, не афишируя этого, вернулись к оценкам дореволюционной позитивной (либеральной) историографии. При этом, главное, использовался уже сложившийся круг источников. Во-вторых, стремление выйти за рамки узких проблем, исследовать общие вопросы отечественной истории привело к тому, что даже авторитетные историки, вторгаясь в круг ранее чуждых им идей и проблем, иногда допускают фактические или терминологические ошибки. В-третьих, появилась «мода» на работы, якобы находящиеся «на стыке» истории, философии, политологии и права, пустота которых маскируется с помощью глубокомысленных фраз, псевдонаучного языка и ссылок на мнения зарубежных авторитетов. Как следствие, новых, «прорывных» работ, которые действительно содержат неизвестные материалы и оригинальные оценки, появилось мало. Публикации конца XX в., продемонстрировав возросший интерес к проблеме, обычно не вносили заметного вклада в её научную разработку. Их значение заключалось в освобождении от идеологического догматизма, свойственного, в большей или меньшей степени, советской историографии, но, основываясь на уже хорошо известных источниках, они не смогли внести новизну в их осмысление.

Противоречивые последствия для исторической науки имела и коммерциализация издательского дела. Она открыла новые возможности для публикации результатов исследований, однако возвела экономические преграды на пути серьёзных, но не имеющих коммерческой ценности научных работ. Впрочем, всё это можно рассматривать как неизбежные «детские болезни» переходного периода. В последние годы возможности для научной деятельности несколько улучшились, появляется всё больше работ, которые с полным правом могут претендовать на статус серьёзных, полноценных исследований.

«Кондиции» и связанные с ними акты. Для исследователей событий 1730 г. плавность перехода к новому состоянию историографии облегчалась тем, что проблема была «деидеологизирована» уже в поздней советской историографии. Её крупнейший представитель Г.А.Протасов писал о них достаточно свободно. Для начального этапа переходного этапа типична статья Д.Н.Шанского, соединившая традиционные подходы с новыми. Автор посчитал своей первой обязанностью подчеркнуть значение советский историографии, которая, по его мнению, преодолела недостатки предшествовавшего позитивизма и наметила «подлинно научный подход к изучению русского абсолютизма»². Одновременно историк указал на необходимость уточнить некоторые её положения, к которым он отнёс резкое противопоставление деятельности высшей администрации при Петре I и его преемниках, рассмотрение политических событий как проявлений внутриклассовой борьбы в среде дворянской верхушки, оценку той эпохи как периода ослабления абсолютизма. Автор оспорил данные положения, в частности, указал на связь ВТС с предшествующими тайными советами Петра I.

В дальнейшем исследователи полностью избавились от необходимости (и привычки) делать идеологические реверансы, могли высказываться вполне откровенно. Этим воспользовался петербургский литератор Я.А.Гордин, работа которого стала не только вторым, после книги Д.А.Корсакова, исследованием политического кризиса 1730 г. монографического формата, но и манифестом возродившегося позитивного направления историографии³. Правда, в этом случае речь идёт скорее о публицистической, чем о научно-исследовательской работе, поскольку автор является не профессиональным историком, а писателем и публицистом. Книга написана ярко, эмоционально, но с опорой на опубликованные источники и исследования, причем статьи Г.А.Протасова, которые позволили по-новому взглянуть на известный сюжет, не

---

² Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в., 20-60-е гг. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991. С. 119.

³ См.: Гордон Я.А. Между рабством и свободой, 19 января–25 февраля 1730 года. СПб., 1994.

привлекли его внимания, что заметно снизило научную ценность работы. Так, автор не критично воспринимает информацию о «плане Голицына», относит «Рассуждение» В.Н.Татищева к событиям января-февраля 1730 года⁴. Гордин, солидарный с доминировавшими в начале 90-х гг. общественными настроениями и ожиданиями, не только примкнул к либеральной историографической традиции, но даже превзошёл своих предшественников в оправдании целей и методов инициаторов «затейки». Для него Д.М.Голицын – сторонник истинной европеизации России, направленной на постепенное раскрепощение личности. По мнению Гордина, князь был «фанатично предан своей главной идее – уничтожению самодержавия в России и введению представительного правления»⁵. Автор признаёт в характере князя гордыню, но отрицает в его действиях корыстный интерес: он был уже стар, а для сохранения личного влияния проще было договориться с окружением Анны Ивановны. Несмотря на «идеологизированность» работы Гордина, она интересна не только яркостью подачи материала, но и оригинальным анализом причин неудачи конституционной «затеи», некоторых других проблем.

С протестом против утвердившихся в историографии представлений об олигархическом характере намерений ВТС выступила Л.Н.Вдовина. По её мнению, «обращение к документам убеждает в том, что Д.М.Голицын и его сторонники предприняли попытку ограничения на определённых конституционных началах». Кроме того, верно подмечает она, неоднородность Совета, отсутствие единомыслия в его составе «могли бы стать препятствием на пути олигархического правления»⁶. Вдовина знакома с работами Г.А.Протасова, солидарна с его оценкой «Пунктов присяги» императрице Анне Иоанновне («Проекта формы правления») и «Способов» В.Н.Татищева, но расходится во мнении относительно «плана Д.М.Голицына», считает его реально существовавшим. Интересную версию причин политического кризиса 1730 г. и его исхода выдвинул российско-американский историк А.Л.Янов. Для него инициаторы «Кондиций» – подлинные европеизаторы, выступившие против созданной Петром I автократической модели управления. Не пережили Россия петровского «людодёрства», предполагает автор, рядом с ними стояло бы поколение рационально мыслящих россиян. Вместо этого они столкнулись с созданным Петром I шляхетством «преторианско-янычарского типа», с гвардией. Кроме того, подмечает Янов, «слуги

---

⁴ Глава, которая посвящена «плану Голицына», получила название «Великий план».

⁵ Гордон Я.А. Указ. соч. С. 132.

⁶ Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 37.

реакции, как всегда бывало в русской истории, оказались гибче и проницательнее слуг прогресса», среди которых не нашлось своего Мирабо, способного в критической ситуации взять на себя ответственность, стать авторитетным публичным лидером⁷.

К сторонникам позитивной историографической традиции также относится С.А.Седов. Не делая больших научных открытий, его статья имеет историографический интерес как один из символов быстрого развития в современной исторической науке «позитивной» системы взглядов. Автор полагает, что критики действий ВТС, к которым он отнёс С.М.Соловьёва и А.С.Алексеева, излишне доверяли Феофану Прокоповичу, недостаточно изучили архивы. Седов же солидарен с противоположными оценками, представленными в трудах Е.П.Карновича, Д.А.Корсакова и П.Н.Милюкова. По его мнению, данные историки отошли от упрощённой схемы С.М.Соловьёва, видели у инициаторов выступления 1730 г. конституционные устремления, поддержанные определённым числом дворян. Эти направления, справедливо замечает автор, сохраняются и в современной историографии. Самого Седова следует отнести к наиболее радикальным представителям её позитивного направления. Так, он считает неправильным представление о тайном характере «затейки», о желании верховников обманно представить курляндской герцогине «Кондиции» как акт, составленный «от всех чинов». О намерении ограничить власть новой императрицы, возражает автор, было немедленно сообщено части сенаторов и генералитета. Направляя же делегацию к Анне Ивановне, ВТС написал послание, где говорилось о вручении её престола от «всех чинов», но о сочинении «Пунктов» «из собрания своего». Седов подчёркивает готовность верховников пойти на значительные политические уступки дворянству, усматривает важную причину их неудачи в излишней приверженности законности и принятым в ВТС процедурам вынесения решений. «Действуя строго по закону, не решаясь взять инициативу в свои руки» – пишет он, члены ВТС развязали руки Анне Ивановне⁸. С позицией С.А.Седова солидарен А.Н.Сахаров⁹.

Самым видным представителем современной позитивной историографии событий 1730 г. является А.Б.Плотников¹⁰. Как по проблематике исследовательской

---

⁷ Янов А.Л. Драма смутного времени: дело 1730 года // Полис. 1994. № 1. С. 176.

⁸ Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 54.

⁹ Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России, XVIII–начало XX вв. М., 2000. С. 38.

¹⁰ См.: Плотников А.Б. Ограничение самодержавия в России в 1730 году: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60-69; Он же. Программный документ Верховного тайного совета в 1730 г. //

работы, так и по её качеству, общей оценке событий он – прямой продолжатель Г.А.Протасова. Плотников не ограничивается археографической работой, тщательный анализ документальных источников позволяет ему внести некоторые коррективы в концепцию Протасова. Принадлежа к позитивной историографической традиции, он, сравнительно с последним, является её более последовательным сторонником. Например, если Протасов считал «Способы» поздним документом ВТС, его итоговой реакцией на требования оппозиции, то Плотников предположил, что он был составлен на ранней стадии движения, что доказывает готовность верховников к широким политическим предприятиям, которые не были простой реакцией на действия шляхетства.

Представителем современной критической (или «средней») историографии является петербургский исследователь Е.В.Анисимов – один из ведущих специалистов в области политической истории России XVIII в. Его монографии посвящены правлению ближайших наследников Петра I, в частности Анны Иоанновны¹¹. Значительное место в них отведено истории ВТС, его роли в возведении на престол Анны Ивановны. Е.В.Анисимов не видит прямой связи между возникновением Совета в 1726 г. и событиями 1730 г., но обнаружил генеалогическую связь между ними и ограничительными тенденциями XVI – XVII вв. Автор относится к тем историкам, которые, стремясь выловить, прямо скажем, немногочисленные артефакты «конституционных» политических проявлений в русской истории XVII в., закидывают сеть со слишком мелкими ячейками. В результате в «неводе» оказываются даже незначительные и, главное, сомнительные факты¹². События января-февраля 1730 г. автор считает удивительным временем, когда «сотни людей ... могли открыто высказывать своё мнение о будущем устройстве страны, о судьбе монархии, могли спорить, возражать, как равный с равными, а не оправдываться на дыбе Тайной канцелярии». Эти высказывания характерны скорее для позитивной историографии, но к самому ВТС автор строг. Он считает его замысел не только «чисто олигархическим», но и жульническим. «Представить Анне «Кондиции» как волю «общества», а после получения её подписи под ними поставить «общество» перед свершившимся фактом»,

---

Россия в XVIII столетии. Вып. 1. М., 2002. С. 38-49. *Он же.* «Продолжение» Кондиций и последний политический проект Верховного тайного совета в 1730 г.: верховники за изучением предложений «знатного шляхетства» // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 221–232.

¹¹ См.: Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004; *Он же.* Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994.

¹² Так, далеко не все исследователи согласятся с мнением об избрании земским собором Петра I. В этом случае можно говорить только об имитации земского собора. В итоге объявление верховниками в «собрании чинов» решения пригласить на престол Анну Иоанновну считается автором «почти собором». (См.: Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004. С. 23.)

– возмущается автор, почти буквально повторяя реплики Прокоповича и Татищева¹³. Впрочем, петербургский историк признаёт, что верховники не собирались останавливаться на «Кондициях», но в качестве примера их дальнейших намерений ссылается на «план Д.М.Голицына», существование которого поставлено под сомнение Г.А.Протасовым, исследования которого Анисимов почему-то игнорирует¹⁴. Сведения о планах Совета и шляхетства автор предпочитает черпать из давней монографии Д.А.Корсакова, которая заметно искажала ход московских событий 1730 г. Эти выводы автор сохранил и в своей позднейшей монографии¹⁵.

Неоднозначно отнёсся к замыслам ВТС А.Н.Медушевский, масштабная монография которого затронула, в числе других, проблемы российского конституционализма XVIII века¹⁶. Информацию о событиях 1730 г. автор черпает из документов, опубликованных В.В.Кашпиревым, из трудов С.М.Соловьёва и Д.А.Корсакова, но не из более актуальных работ Г.А.Протасова. Медушевский, как и Анисимов, разделяет не все построения дореволюционных критиков «затейки». Он считает это событие доказательством того, что «представление о неограниченном самодержавном правлении как оптимальном и единственно возможном для страны образе административной системы отнюдь не было исключительным в русском обществе послепетровского времени»¹⁷. В обстоятельствах вступления на престол императрицы Анны Иоанновны Медушевский увидел некоторые характерные черты русского политического процесса в целом. Так, неоднородность правящего слоя, противоречия в его среде, различие интересов и отсутствие общей политической программы вели к тому, что «принятие важнейших политических решений оказалось зависимым от инициативы отдельных лиц, от внешних, неконтролируемых обстоятельств и ситуаций, от обеспечения поддержки гвардии»¹⁸. «Кондиции» автор считает первой юридически оформленной и довольно решительной попыткой ограничения самодержавия, но сам замысел ВТС признаёт олигархическим, построенным на очень узкой социальной базе, вопрос же о его дальнейших намерениях он обошёл. Быстрое появление шляхетских проектов Медушевский считает доказательством осмысленности действий дворянства, достаточной насыщенности

---

¹³ Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725-1740. С. 179.

¹⁴ Напомним, что первым поставил под сомнение существование «плана Голицына» А.С.Алексеев.

¹⁵ См.: Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. С. 24, 40.

¹⁶ См.: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.

¹⁷ Там же. С. 281.

¹⁸ Там же. С. 283.

политической жизни того времени «размышлениями о проблемах совершенного государственного устройства»¹⁹. Взгляды автора трудно однозначно отнести к критической или позитивной историографической традиции. Относительно действий ВТС он, скорее, критик, в оценке шляхетского движения и общего значения событий 1730 г. – наоборот.

Это же впечатление оставляет статья И.В.Курукина, которая отличается научной основательностью, подкреплённой серьёзной работой в архивах²⁰. Автор признаёт анонимные «Способы» документом ВТС, что, казалось бы, позволяет считать его сторонником позитивного направления. Но данную уступку верховников Курукин полагает не только вынужденной, но и не ведущей к действительному ограничению самодержавия, поэтому, как представляется, он склоняется к отрицательному ответу на поставленный в названии статьи вопрос. И.В.Курукина наряду с А.Б.Плотниковым следует признать наиболее крупным исследователем событий 1730 г. в современной историографии, высшим достижением которой стала их совместная монография²¹.

К «среднему» направлению историографии относится монография известного исследователя политической истории XVIII в. Н.И.Павленко, которая по замыслу близка работе Е.В.Анисимова²². Деятельность ВТС также не стала в ней предметом специального изучения, но заняла почётное место. Глава, посвящённая этим событиям, названа «Корона, свалившаяся с неба», что несколько литературно, но справедливо определяет порядок перехода престола к курляндской герцогине. Павленко использует понятие «план Голицына», но, как и Г.А.Протасов, считает таковым «Пункты присяги» императрице Анне Иоанновне («Проект формы правления»). Он верно подметил в «затейке» 1730 г. два взаимоисключающих начала. С одной стороны, её инициаторы стремились ограничить самодержавие, что даёт основание считать их представителями конституционного движения. С другой, – они выступали за привилегии для аристократии, «фамильных людей», что позволяет обвинять их в олигархических замыслах. «Обе оценки являются справедливыми, – отмечает Павленко, – но их следует рассматривать не изолированно друг от друга, а в совокупности, как две стороны одной медали»²³.

---

¹⁹ Там же. С. 290.

²⁰ См.: Курукин И.В. «Время, чтоб самодержавию не быть»? // Отечественная история, 2001. № 3. С. 3–16; Там же. № 4. С. 12–21.

²¹ См.: Курукин И.В., Плотников. А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 г.: события, люди, документы. М., 2010.

²² См.: Павленко Н. Страсти у трона: история дворцовых переворотов. М., 1996.

²³ Там же. С. 68–69.

На ещё более обширном историческом фоне рассматривает события 1730 г. А.Б.Каменский, монография которого трактует социально-политическую историю России XVIII в. в целом²⁴. Исследование оригинально по замыслу и методологии, но попытка комплексного исследования целой исторической эпохи всегда создаёт известные трудности, поскольку приходится овладеть значительной суммой фактов, что увеличивает опасность ошибиться в них. Так и Каменский почему-то посчитал, что ВТС в момент смерти Петра II состоял из четырех человек (Д.М.Голицын, А.Г. и В.Л. Долгоруковы, А.И.Остерман), к которым затем присоединились фельдмаршалы М.М.Голицын и В.В.Долгорукий. Автор забыл канцлера Г.И.Головкина. Из этой небольшой фактической ошибки произошла более серьезная. Так как, по мнению Каменского, ВТС в момент составления «Кондиций» состоял из шести человек, а в условиях вступления на престол Анны Ивановны говорится о Совете из восьми членов, автор приписывает верховникам готовность уже на этом этапе развития событий расширить свой состав за счет «тех или иных фамилий»²⁵. Подводя итоги кризиса 1730 г., Каменский пишет, что его главный урок заключался в демонстрации возросшей политической самостоятельности дворянства, его готовности отстаивать свои сословные интересы. Автор связывает это с последствиями петровской модернизации. «С другой стороны, – пишет он, – проявилось и отсутствие опыта политической борьбы, низкий уровень политической культуры и, несмотря на многолетнее насаждение идеи «общего блага», неспособность выйти за рамки узкосословных интересов»²⁶.

События, связанные со вступлением на престол императрицы Анны, затронуты в монографии Н.Н.Петрухинцева²⁷. Он соглашается с А.И.Юхтом в оценке двух дворянских челобитных (петиций), поданных императрице 25 февраля 1730 г. По его мнению, даже вторая из них не являлась актом безоговорочной капитуляции дворянского конституционализма перед самодержавием, она несла отпечаток ограничительных проектов, «отголосок не совсем исчезнувших стремлений создать какую-то форму дворянского представительства во власти»²⁸. Петрухинцев полагает, что в первые после подачи петиций дни императрица колебалась и готова была пойти на уступки челобитчикам.

---

²⁴ См.: *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ Там же. С. 156–157.

²⁷ См.: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735. СПб., 2001.

²⁸ Там же. С. 38.

Некоторые аспекты проблемы были рассмотрены в группе работ, касающихся теоретических проблем отечественной истории²⁹. Они писались на основе предшествующих исследований, поэтому их историографическая ценность ограничена. Например, работа Попова Д.Ф. носит скорее политологический и юридический характер, в ней содержится информация о деятельности ВТС, его «Кондиции», но фактический материал автор черпает из старинной монографии Д.А.Корсакова.

В целом, как представляется, современные исследователи завершили выявление комплекса относящихся к событиям 1730 г. источников. Важнейшие из них опубликованы. Возможно, но маловероятно обнаружение новых документов, способных существенно повлиять на состояние историографии, например, подлинника «плана Д.М.Голицына». Но сохраняющаяся анонимность ряда из проектов создаёт возможность их различной атрибуции, следовательно, расхождений в оценке политических намерений участников политического конфликта. Таковыми являются в первую очередь «Способы». Обнаружение их автора позволило бы существенно прояснить ситуацию.

«Введение к уложению государственных законов». Позитивное направление, вообще преобладающее в современной историографии правительственного конституционализма, доминирует и в трудах, исследующих «Введение к уложению государственных законов». Его первым современным представителем в жанре исторической публицистики следует считать Н.Я.Эйдельмана, выпустившего в 1989 г. свою последнюю прижизненную работу³⁰. Исследуя проблему отечественного опыта «реформ сверху», автор остановился и на политических преобразованиях начала XIX в. Более всего автор интересовался причинами их неудачи. Эйдельман критиковал тех советских историков, которые осуждали Сперанского «за то, что он не стал крайним революционером, типа ... Пестеля, что хотел примирить помещичьи, государственные и крестьянские интересы, что возлагал надежды на «обманщика-царя»³¹. Напротив, автор с одобрением отнёсся к умеренности данного государственного деятеля, считая это признаком его политического реализма. Сперанский не был утопистом, полагал Эйдельман, он серьёзно рассчитывал на успех своих планов, поэтому и был в них осторожен. В этом же году вышла монография С.В.Мироненко, посвящённая

---

²⁹ См.: Попов Д.Ф. Проблемы российской абсолютной монархии (верховой власти) в русской исторической науке. М., 1999; Пуздрач Ю.В. Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности). М., 2001.

³⁰ См.: Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

³¹ Там же. С. 81.

реформаторским проектам начала XIX в., исходившим как из правительственных, так и из общественных кругов³². Автор также высоко оценил содержание «Плана» 1809 г., который посчитал «произведением двух авторов» – Сперанского и Александра I. Сперанский, полагал историк, без санкции царя не решился бы предложить столь радикальный проект.

Последовательными представителями современной позитивной историографии являются С.В.Кодан, В.И.Морозов, С.В.Осипенко, Ю.С.Пивоваров, А.Н.Сахаров, С.А.Чибиряев. Монография Чибиряева – скорее не научное, а публицистическое произведение, апология личности и деятельности «великого русского реформатора»³³. Автор обрушивается с упрёками на «классово ограниченных» дореволюционных дворянских и буржуазных историков за то, что они недооценивали и даже искажали роль Сперанского как государственного деятеля и политического мыслителя, защищает своего «героя» от упрёков в заимствовании трудно прилагаемых к отечественной действительности иностранных идей. Напротив, настаивает автор, его проекты были результатом творческого осмысления наследия мыслителей прошлого и собственных наблюдений, отличались исключительной стройностью и ясностью. Не менее высоко оценивает М.М.Сперанского С.В.Кодана³⁴. Для него данный государственный деятель – «Божьей милостью чиновник», как другие выдающиеся личности являются «Божьей милостью» поэтами или художниками. Автор подробно пересказывает содержание «Введения», но некоторые его выводы нуждаются в дополнительной аргументации. Например, гадательным представляется утверждение, что «Введение» и примыкавшие к нему «Проект Уложения государственных законов Российской империи», «Краткое начертание государственного образования» и «Общее образование всех преобразований и распределение их по временам» позже получили суммарное название «Плана государственного преобразования». Совершенно невозможно согласиться с утверждением Кодана, что «Введение» стало предметом «жарких и ожесточенных споров в правительственных и общественных кругах», т.к. сам автор отмечает окружающую конституционный проект глубокую тайну³⁵. В.И.Морозов не только признаёт конституционное содержание «Плана», но и считает его истинной целью

---

³² См.: МIRONENKO С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

³³ Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1993. С. 45.

³⁴ См.: Кодан С.В. Божьей милостью чиновник: М.М.Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.

³⁵ Кодан С.В. Указ. соч. С. 5, 89.

переход к парламентской форме правления³⁶. Наконец, Ю.С.Пивоваров объявляет автора «Введения» гением³⁷.

В 1993 г. к проблеме обратился А.Н.Сахаров, написавший статью в научно-популярном жанре³⁸. Он высказал несогласие с В.А.Федоровым, который в своих публикациях останавливался преимущественно на негативных чертах характера и деятельности Александра I. Но и сам автор упрекает императора за медлительность и нерешительность, панический страх перед возможным заговором, повторением судьбы отца. Сахаров высказал достаточно оригинальную, но спорную версию причин падения «молодых друзей» Александра I и возвышения Сперанского – последний, обладая большими способностями, якобы не разделял радикальных взглядов членов «негласного комитета», не пугал императора своей настойчивостью и нетерпением. Остановившись на взаимоотношениях императора и Сперанского, историк согласился с мнением С.В.Мироненко – «Введение» было плодом их совместной работы, его формальный автор не пошёл бы так далеко, не имея на этот предварительного согласия монарха. Через несколько лет Сахаров, взяв за основу данную статью, опубликовал монографию об императоре Александре I³⁹. Здесь он несколько скорректировал выводы об отношениях монарха и его сотрудника. Историк полагает, что между ними были разногласия, Сперанский лукавил, объясняя свои действия указаниями Александра Павловича, знаменитый сотрудник императора шёл дальше. «Император стремился либерализовать общество по своему образцу и подобию, под своей властью, выступить просвещённым гарантом некоторых прав и свобод, – пишет Сахаров. – Сперанский же мыслил подвести прочный фундамент правового государства и гражданского общества в самодержавной стране»⁴⁰.

В жанре научно-популярного и одновременно литературно-художественного произведения написана работа А.Н.Архангельского⁴¹. Автор не является профессиональным историком, но получил известность как литературовед и эссеист. Его книга демонстрирует ставшие традиционными как сильные, так и слабые стороны подобных работ. Написанные с литературным блеском, они содержат смелые, но часто

---

³⁶ Морозов В.И. Государственно-политические взгляды М.М.Сперанского: историко-теоретическое исследование. СПб., 1999. С. 142.

³⁷ Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики // Рубежи. 1995. № 4. С. 62.

³⁸ Сахаров А.Н. Александр I (к истории жизни и смерти) // Российские самодержцы. М., 1993. С. 14-90. Сахаров также написал введение к этому сборнику – «Тяжкий путь российского реформаторства».

³⁹ См.: Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.

⁴⁰ Там же. С. 129.

⁴¹ См.: Архангельский А. Александр I. М., 2000. Позже она была переиздана в серии «Жизнь замечательных людей».

не подкреплённые фактами выводы. Кроме того, их авторы не всегда в достаточной мере владеют историко-юридическим понятийным аппаратом. Это привело к неопределённости оценки Архангельским «Плана», который, пишет он, обеспечивал «переход от абсолютной монархии к монархии неабсолютной, т.е. – ещё не конституционной, но уже ограниченной умеренным народным представительством в законодательстве, суде, управлении»⁴². Он полагает, что основным мотивом преобразовательной политики Александра I были высказанные им ещё в юности республиканские симпатии, намерение отказаться от престола и вести жизнь частного лица. М.М.Сперанский, по мнению Архангельского, был менее радикален – его, как и Ф.Лагарпа, симпатии склонялись в сторону конституционной монархии. По своей тематике и жанру (исторический портрет, составленный в литературно-художественной форме) к работе А.Н.Архангельского примыкает книга С.Э.Цветкова, которая написана более «строго», с меньшим стремлением к оригинальным и смелым оценкам⁴³.

Очевидное доминирование в современных исследованиях позитивных оценок «Введения» и его составителя не привело к полному угасанию конкурирующего критического направления, соединившего аргументы не только дореволюционных, но и советских критиков правительственного конституционализма эпохи Александра I. Сходство их позиций вполне объяснимо: либеральное реформаторство было в равной степени чуждо как историкам-монархистам, так и историкам-марксистам. Это смещение заметно в трудах В.А.Фёдорова⁴⁴. В них также заметны сильные и слабые стороны чисто исторического исследования историко-юридической проблемы. Его монографии не содержат ссылок на труды государствоведов, поэтому автор, хорошо знакомый с общеполитическом контекстом эпохи, часто отстаивает положения, не совсем корректные юридически, недостаточно внимателен к букве проекта 1809 г. Во всяком случае юридическая сторона проблемы проработана им недостаточно. Так, Фёдоров полагает, что Сперанский не стремился к введению в России конституционного строя «по типу западноевропейских стран, т.е. ограничить власть монарха конституцией»⁴⁵. При этом игнорируется реальное состояние конституционализма в Западной Европе начала XIX в., где он не имел всеобщего распространения, а появившиеся при участии Александра I французская

---

⁴² Там же. С. 147.

⁴³ См.: *Цветков С.Э.* Александр Первый. М., 2005.

⁴⁴ См.: *Фёдоров В.А.* Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 50-72; *Он же.* Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы, XIX-начало XX в. М., 1995. С. 34-76; *Он же.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997.

⁴⁵ *Он же.* М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. С. 62.

конституционная хартия 1814 г. и польская конституция 1815 г. считались вполне либеральными. Автор полагает, что в проекте 1809 г. речь шла о первом из намеченных Сперанским в «Ведении» вариантов преобразования – лжеконституционном. Роль Государственной думы исследователь определяет так: «Ни один закон не смог иметь силы без рассмотрения его в Государственной думы», то есть, по мнению Фёдорова, она только обсуждала законопроекты, имела законосовещательный характер⁴⁶. По мнению Фёдорова, это был утопический план сохранения абсолютной монархии и сословного строя с помощью тех средств и учреждений, которые были направлены на подрыв того и другого. В этих рассуждениях слышатся отголоски предшествующей советской историографии. Впрочем, автор признал поверхностным распространённый в ней взгляд на неискренность либерализма Александра I, его «заигрывание» с либерализмом. Трудно классифицировать позицию А.Н.Медушевского. Он высоко оценивает собственно М.М.Сперанского, считает его выдающимся государственным деятелем, признаёт присутствие в составленном им «Плане» передовых социально-политических идей, но в итоге приходит к выводу о безвластии проектировавшейся Государственной думы, о её совещательном характере⁴⁷.

К «среднему» направлению историографии относятся многочисленные исследования историка-правоведа В.А.Томсинова⁴⁸. Признавая утопизм многих либеральных проектов начала XIX в., автор с пониманием относится к данным заблуждениям: «Странная эта вера отражала дух времени, когда человеческий разум казался могущественнее всего, что есть на свете, – могущественнее даже самой человеческой истории... Исторические основы того или иного народа, его культурно-национальные особенности считались детскими погремушками, явлениями, не имеющими сколько-нибудь большого значения для будущего. Главным казалось найти правильные идеи-принципы устройства будущей политической организации и составить из них соответствующую схему»⁴⁹. Наивным он считал и расчёт Сперанского на Александра I, монарх по собственному желанию не стал бы ограничивать свою абсолютную власть, «рубить сук, на котором сидел». Но для Томсинова Сперанский

---

⁴⁶ Фёдоров В.А. Михаил Михайлович Сперанский. С. 48-49.

⁴⁷ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 316.

⁴⁸ См.: Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М.Сперанского. М., 1991. В 2006 г. автор издал расширенный вариант монографии в серии «Жизнь замечательных людей». См.: Томсинов В.А. Сперанский. М., 2006; Он же. Жизнеописание Сперанского // Сперанский М.М. Юридические произведения. М., 2008. С. 8-272; Он же. Судьба реформатора, или жизнь Сперанского. М., 2003.

⁴⁹ Томсинов В.А. Светило русской бюрократии. С. 110.

является искренним и глубоким реформатором. Как и Эйдельман, автор защищает его от тех критиков, кто вслед за Н.Г.Чернышевским склонны упрекать реформатора за политическую умеренность, за ставку на реформы сверху, а не на революцию снизу. Томсинов считает, что Сперанский уловил основное противоречие политического развития русского общества – между потребностью в новом общественно-политическом устройстве и отсутствием необходимого для этого «человеческого материала». Поэтому ему не оставалось ничего другого, как делать ставку на постепенные реформы и фактор времени. Оценивая проект Сперанского, Томсинов, в отличие от Федорова и Медушевского, полагает, что речь в нём шла о действительном ограничении самодержавия.

Современные исследователи серьёзно продвинулись в изучении трудов М.М.Сперанского, интерес к которым проявляют не только историки и юристы, но и философы, политологи, даже экономисты. Впервые многогранная деятельность этого выдающегося государственного деятеля стала предметом полноценных монографических исследований, в которых, в отличие от классического труда М.А.Корфа, одним из главных сюжетов стали его политические записки и проекты, включая «Введение». В разработку политико-правового наследия Сперанского крупный вклад вносит В.А.Томсинов. Постепенно создаются условия для появления фундаментальных, комплексных трудов, которые могут быть созданы группами авторов. Но работа в архивах далеко не завершена. Её главные направления – выяснение собственных политических взглядов М.М.Сперанского к 1809 г., отделение их от привходящих, связанных с его «секретарским» служебным положением. Нельзя сказать, что вполне выясненными представляются политические намерения императора Александра I в 1809 г.

Акты государственно-политической реформы 1905–1906 гг. «Перестройка» позволила исследователям посмотреть без прежних идеологических шор и на государственно-политическую реформу 1905 – 1907 гг. Были значительно поколеблены доминировавшие в предшествующей историографии крайне критические представления о её характере и итогах. В историографии проблемы, как и вообще в исследованиях правительственного конституционализма, усилились и постепенно стали доминировать позитивные и «средние» точки зрения, которые в дореволюционной историографии ассоциировали с либеральным и умеренно-консервативным направлениями общественно-политической мысли. Исследований

собственно конституционных актов 1905–1906 гг. появилось сравнительно мало⁵⁰. Но их не могут обойти авторы многочисленных работ по общим вопросам политических процессов в России начала XX в., в частности становления отечественного парламентаризма⁵¹. Крупное научное значение имели конференции, посвящённые юбилеям революции 1905–1907 гг., манифеста 17 октября 1905 г., Государственной думы⁵².

К сожалению, значительный рост числа публикаций пока не привёл, за редким исключением, к заметному прогрессу в изучении вопроса. Движение заключается в избавлении от наиболее одиозных элементов советского идеологического наследия, в использовании современного идейно-теоретического инструментария, что позволяет объективнее оценить конституционный процесс в России начала XX в., поместить его в контекст глобальных политических перемен. Однако увлечение «макроисследованиями» не компенсируется «микроисследованиями». Авторы

---

⁵⁰ См.: *Дзидзов Р.М.* Образование и развитие конституционного строя в России. Владикавказ, 1996; *Он же.* Первый конституционный документ России // *Государство и право.* 1997. № 6. С. 110-114; *Кудинов О.А.* Конституционные реформы в России в XIX - начале XX вв.: монография. М., 2000 и другие.

⁵¹ См.: *Баженова Т.М.* Первый российский парламент: к истории Государственной думы // *Российский юридический журнал.* 1995. № 2(6). С. 127-132; *Голубева Е.И.* Представительные учреждения в системе государственного управления России, начало и конец XX в.: сравнительный анализ. М., 1995; *Дмитриев Ю.А.* и другие. Народовластие в России: очерк истории и современного состояния. М., 1997; *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Законодательные органы России от новгородского веча до Федерального собрания: сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации. М., 1994; *Еленин Н.В.* Развитие конституционализма в России в 1905-1917 гг. // *История государства и права.* 1998. № 1. С. 4-7; *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование, 1905-1907 гг. М., 2000; *Кравец И.А.* Конституционализм в России в начале XX века и конституционная реформа 12 декабря 1993 // *Полития.* 1997. № 2. С. 67-84; *Он же.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М. Новосибирск, 2000; *Он же.* Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики. М.-Новосибирск, 2001; *Лихобабин В.А., Пархоменко А.Г.* Российский конституционализм: история, современность, перспективы. М., 2000; *Медушевский А.Н.* Конституционный вопрос в России // *Вестник МГУ. Серия 12: политические науки.* 1996. № 4. С. 11-27; Там же. 1996. № 6. С. 36-44; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи, XVIII-начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб., 1999; *Панченко А.В.* Теория конституционного правового государства в либеральной мысли России XIX – начала XX в. и современность // *Вестник МГУ. Серия 12: политические науки.* 1996. № 6. С. 36-44; *Пахоленко Н.Б.* Из истории конституционных проектов в России: учебное пособие. М., 2000; *Попелхов М.В.* Институт парламентаризма и политическая история России // *Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений: сборник статей.* Ч. 2. СПб., 1997. С. 202-206; *Романов Р.М.* Российский парламент начала XX века // *Социально-гуманитарные знания.* 1999. № 2. С. 174-188; *Тютюкин С.В.* Реформы и революция 1905–1907 г. // *Реформы и реформаторы в истории России: сборник статей.* М., 1996. С. 138-156; *Шаццлло К.Ф.* Первая Государственная дума // *Отечественная история.* 1996. № 4. С. 60-71 и другие.

⁵² См.: *История парламентаризма в России. К 90-летию со дня начала работы Государственной думы России: материалы международной научно-практической конференции.* СПб., 1996; *К 100-летию издания манифеста 17 октября 1905 года об учреждении Государственной думы: материалы научно-практической конференции.* СПб., 2005. 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: материалы международной конференции. М., 1996.

предпочитают использовать опубликованные источники, их выводы повторяют оценки различных групп дореволюционных авторов.

В меньшей степени идейно-методологическая новизна свойственна тем исследователям, которые продолжили свои предшествующие изыскания. Фактически остался на своей прежней позиции Е.А.Скрипилёв⁵³. Напротив, Е.Д.Черменский ещё в 1991 г. выступил против утвердившегося ранее представления о мнимом характере «конституции 1906 года»⁵⁴. Свой научный авторитет главного специалиста по историческим аспектам политической реформы 1905 г. закрепил Р.Ш.Ганелин. Начиная с 1991 г. он опубликовал ряд фундаментальных исследований, среди которых выделяется монография «Российское самодержавие в 1905 г.: реформа и революция»⁵⁵. Как и раньше, он воздерживается от определённой характеристики возникшего в результате «реформы и революции» государственного строя, но перестаёт демонстрировать свою близость к его лжеконституционной трактовке. Ганелин не отвечает, но ставит вопросы о конституционном характере государственно-политических реформ 1905–1906 гг., о том, входило ли отступление от данных в манифесте 17 октября обещаний в изначальные намерения царя, в чём заключалось данное отступление⁵⁶? Близкой представляется позиция В.В.Шелохаева, который также перестал настаивать на лжеконституционном характере «обновлённого» государственного строя, но одновременно скептически смотрит на него, указывает, что характеристика сшитого в это время «конституционного костюма» ставила и ставит исследователей в тупик⁵⁷. Неоднозначно оценивает результаты реформы 1905–1906 гг. И.М.Степанов. Считая авторов связанных с ними актов «профессионалами высшего класса», которые смогли, «не колебля вековых устоев абсолютной монархии, в то же время вплести в их окаменелую ткань элементы правовой государственности, конституционализма», признавая, что по своим функциям Государственная дума походила на парламент, он заявляет, что права её были сформулированы так, что она

---

⁵³ См.: Развитие русского права во второй половине XIX–начале XX века. М., 1997. С. 10.

⁵⁴ См.: Черменский Е.Д. I и II Государственная думы в освещении советской историографии // Первая российская революция 1905-1907 гг.: обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991. С. 151.

⁵⁵ См.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: реформа и революция. СПб., 1991. Также коллективные монографии: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

⁵⁶ Ганелин Р.Ш. Первая российская революция и государственные преобразования // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: материалы международной конференции. М., 1996. С. 155.

⁵⁷ Шелохаев В.В. Предисловие // Дёмин В.А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 4.

являлась скорее высоким законосовещательным учреждением⁵⁸. Осторожно оценивает полномочия дореволюционной Государственной думы коллектив авторов, возглавляемый Н.Б.Селунской⁵⁹. Они не считают её первым российским парламентом из-за изначальной ограниченности законодательных и бюджетных полномочий. Одновременно авторы полагают, что Дума вполне могла эволюционировать в направлении подлинного представительного учреждения.

Наиболее развёрнуто скептический взгляд на состояние российского парламентаризма начала XX в. сформулировал А.Н.Медушевский⁶⁰. Он признаёт, что неупорядоченное состояние российского законодательства «переходного периода» создаёт возможность для его самых различных оценок. Свою версию содержания политической реформы Медушевский попытался основать на сравнительно-исторической и социологической интерпретации. Это привело его к согласию с теми исследователями, которые отмечали различное содержание реформы на её разных этапах. На высшем из них, который вызвал к жизни манифест 17 октября 1905 г. и последовавшие за ним акты (до появления новых Основных законов), в России складывались первые элементы дуалистической монархии. В дальнейшем же, по мнению Медушевского, наметилось попятное движение в сторону булыгинского «законосовещательного» варианта политической реформы⁶¹. Тенденция смотреть на конституционную реформу 1905 – 1906 гг. как на лжеконституционную (мнимоконституционную) вызвала несогласие В.М.Шевырина, опубликовавшего рецензию на его труд Медушевского. Сам рецензент применил к характеристике сложившегося в «третьеиюньской монархии» государственного строя известное по работам советского правоведа А.М.Давидовича понятие «самодержавно-конституционная монархия»⁶².

С последней оценкой согласно, пусть с некоторыми оговорками, большинство новейших исследователей проблемы⁶³. А.Ф.Смирнов признаёт, что «первая русская

---

⁵⁸ См.: *Степанов И.М.* Уроки и парадоксы российского конституционализма: очерк-эссе. М., 1996. С. 9, 11.

⁵⁹ *Селунская Н.Б., Бородин Л.И., Григорьева Ю.Т., Петров А.Н.* Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 6–7, 215.

⁶⁰ См.: *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997; *Он же.* Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–24; *Он же.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России, XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 95–166.

⁶¹ *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм. С. 466–467, 470.

⁶² Вопросы истории. 1999. № 3. С. 167.

⁶³ *Глушко Е.К.* К вопросу о «парламентаризме» в дореволюционной России // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992; *Кириянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и её депутаты, 1906–1907. Пермь, 1995; *Кошкидько В.Г.* Представительная власть

конституция не была совершенной по своему правовому содержанию и точности юридических формулировок», но в этом Россия не являлась уникальной. При переходе от абсолютизма к конституционному строю обычно старые принципы соседствуют с новыми⁶⁴. С.В.Куликов сообщает новые и интересные сведения об обстоятельствах разработки Основных государственных законов 1906 г. Он подтверждает, что их главный разработчик П.А.Харитонов в качестве источника использовал документы либерально-оппозиционного происхождения: программу Конституционно-демократической партии и проекты конституций, разработанные ранее «Союзом освобождения» и С.А.Муромцевым. Подготовленный Харитоновым проект предусматривал ответственность правительства перед палатой, т.е. проводил принцип парламентского правления, который во время обсуждения в Совете министров был заменён на принцип дуализма⁶⁵. В.Г.Кошкидько, напомнив о существовавших в дореволюционной литературе разногласиях, признал правоту тех исследователей, которые считали Основные законы 1906 г. конституцией, но наименее развитого типа⁶⁶.

Государственно-политическая реформа 1905–1906 гг. оказалась самым востребованным в современных исследованиях, сравнительно с аналогичными попытками XVIII – XIX вв, сюжетом правительственного конституционализма. Возникла тенденция, особенно заметная в конце прошлого века, рассматривать современную Россию как продолжение не Советского Союза, а Российской империи последнего периода её существования. Из той эпохи было взято наименование нижней палаты российского Федерального собрания, слышались предложения вести счёт созывов современной Государственной думы, начиная с дореволюционных. В результате в количественном отношении исследование «обновлённого строя» ведется очень активно, что особенно заметно на фоне советской историографии. Но многим появившимся в последние годы работам не хватает научной фундаментальности.

в России: формирование и функционирование, 1905–1917. М., 2000; *Он же*. Реформа государственного строя России в условиях политического кризиса начала XX века. М., 2003; *Куликов С.В.* К истории создания новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. // К 100-летию издания манифеста 1905 г. об учреждении Государственной думы: материалы научно-практической конференции. СПб., 2005; Лукьянов И.В. От России самодержавной к России думской // Там же; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. М., 1998 и другие.

⁶⁴ *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи, 1906–1917. С. 158–159.

⁶⁵ См.: *Куликов С.В.* К истории создания новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. С. 44–46.

⁶⁶ См.: *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование, 1905–1907. С. 42–43.

Список литературы

1. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.
2. *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. М., 2004.
3. *Он же.* Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994.
4. *Архангельский А.* Александр I. М., 2000.
5. *Баженова Т.М.* Первый российский парламент: к истории Государственной думы // Российский юридический журнал. 1995. № 2(6). С. 127–132.
6. *Вдовина Л.Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 36–48.
7. *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996.
8. *Ганелин Р.Ш.* Первая российская революция и государственные преобразования // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: материалы международной конференции. М., 1996. С. 142–156.
9. *Он же.* Российское самодержавие в 1905 г.: реформа и революция. СПб., 1991.
10. *Глушко Е.К.* К вопросу о «парламентаризме» в дореволюционной России // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. С. 86–102.
11. *Голубева Е.И.* Представительные учреждения в системе государственного управления России, начало и конец XX в.: сравнительный анализ. М., 1995.
12. *Гордон Я.А.* Между рабством и свободой: 19 января–25 февраля 1730 года. СПб., 1994.
13. *Дзидзоев Р.М.* Образование и развитие конституционного строя в России. Владикавказ, 1996.
14. *Он же.* Первый конституционный документ России // Государство и право. 1997. № 6. С. 110–114.
15. *Дмитриев Ю.А. и другие.* Народовластие в России: очерк истории и современного состояния. М., 1997.
16. *Дмитриев Ю.А., Черкашин Е.Ю.* Законодательные органы России от новгородского веча до Федерального собрания: сложный путь от патриархальной традиции к цивилизации. М., 1994.
17. *Еленин Н.В.* Развитие конституционализма в России в 1905–1917 гг. // История государства и права. 1998. № 1. С. 4–7.
18. *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. М., 1999.

19. *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России: Государственная дума и её депутаты, 1906–1907. Пермь, 1995.
20. *Кодан С.В.* Божьей милостью чиновник: М.М.Сперанский и Российское государство. Екатеринбург, 2001.
21. *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование, 1905–1907 гг. М., 2000.
22. *Он же.* Реформа государственного строя России в условиях политического кризиса начала XX века. М., 2003.
23. *Кравец И.А.* Конституционализм в России в начале XX века и конституционная реформа 12 декабря 1906 // Полития. 1997. № 2. С. 67–84.
24. *Он же.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века. М. Новосибирск, 2000.
25. *Он же.* Формирование российского конституционализма: проблемы теории и практики. М.-Новосибирск, 2001.
26. *Куликов С.В.* К истории создания новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. // К 100-летию издания манифеста 1905 г. об учреждении Государственной думы: материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 44–46.
27. *Кудинов О.А.* Конституционные реформы в России в XIX – начале XX вв.: монография. М., 2000.
28. *Курукин И.В.* «Время, чтоб самодержавию не быть»? // Отечественная история, 2001, № 3. С. 3–16; Там же. № 4. С. 12–21.
29. *Курукин И.В., Плотников А.Б.* 19 января-25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.
30. *Лихобабин В.А., Пархоменко А.Г.* Российский конституционализм: история, современность, перспективы. М., 2000.
31. *Лукьянов И.В.* От России самодержавной к России думской // К 100-летию издания манифеста 1905 г. об учреждении Государственной думы: материалы научно-практической конференции. СПб., 2005. С. 48–55.
32. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
33. *Он же.* Конституционный вопрос в России // Вестник МГУ. Серия 12: политические науки. 1996. № 4. С. 11–27; Там же. 1996. № 6. С. 36–44.

34. *Он же*. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России, XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 95–166.
35. *Он же*. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–24.
36. *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи, XVIII-начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 2. СПб., 1999.
37. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
38. *Морозов В.И.* Государственно-политические взгляды М.М.Сперанского: историко-теоретическое исследование. СПб., 1999.
39. *Павленко Н.* Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996.
40. *Панченко А.В.* Теория конституционного правового государства в либеральной мысли России XIX – начала XX в. и современность // Вестник МГУ. Серия 12: политические науки. 1996. № 6. С. 36–44.
41. *Пахоленко Н.Б.* Из истории конституционных проектов в России: учебное пособие. М., 2000.
42. *Плотников А.Б.* Программный документ Верховного тайного совета в 1730 г. // Россия в XVIII столетии. Вып. 1. М., 2002. С. 38–49.
43. *Он же*. Ограничение самодержавия в России в 1730 году: идеи и формы // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 60–69.
44. *Он же*. «Продолжение» Кондиций и последний политический проект Верховного тайного совета в 1730 г. Верховники за изучением предложений «знатного шляхетства» // Россия в XVIII столетии. Вып. 2. М., 2004. С. 221–232.
45. *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735. СПб., 2001.
46. *Пивоваров Ю.* «Гений блага» русской политики // Рубежи. 1995. № 4. С. 66–78.
47. *Попов Д.Ф.* Проблемы российской абсолютной монархии (верховой власти) в русской исторической науке. М., 1999.
48. *Попелхов М.В.* Институт парламентаризма и политическая история России // Социально-экономические вопросы становления рыночных отношений: сборник статей. Ч. 2. СПб., 1997. С. 202–206.
49. *Пуздрач Ю.В.* Становление конституционализма в России (теоретический и исторический аспекты развития российской государственности). М., 2001.

50. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. М., 1997.
51. Романов Р.М. Российский парламент начала XX века // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 174–188.
52. Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.
53. Он же. Александр I: к истории жизни и смерти // Российские самодержцы. М., 1993. С. 14–90.
54. Он же. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России, XVIII– начало XX в. М., 2000.
55. Седов С.А. Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–62.
56. Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Т., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996.
57. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи, 1906–1917: историко-правовой очерк. М., 1998.
58. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма: очерк-эссе. М., 1996.
59. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии: исторический портрет М.М.Сперанского. М., 1991.
60. Он же. Сперанский. М., 2006.
61. Он же. Жизнеописание Сперанского // Сперанский М.М. Юридические произведения. М., 2008. С. 8–272.
62. Он же. Судьба реформатора или жизнь Сперанского. М., 2003.
63. Тютюкин С.В. Реформы и революция 1905–1907 г. // Реформы и реформаторы в истории России: сборник статей. М., 1996. С. 138–156.
64. Он же. Революция 1905–1907 гг. в современной отечественной историографии // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: материалы международной конференции. М., 1996. С. 63–79.
65. Федоров В.А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 50–72.
66. Он же. Михаил Михайлович Сперанский // Российские реформаторы, XIX-начало XX в. М., 1995. С. 34–76.
67. Он же. М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. М., 1997.
68. Черменский Е.Д. I и II Государственная думы в освещении советской историографии // Первая российская революция 1905–1907 гг.: обзор советской и зарубежной литературы. М., 1991.

69. *Чибыряев С.А.* Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М., 1993.
70. *Шанский Д.Н.* К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в., 20–60-е гг. // Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991.
71. *Шацлло К.Ф.* Первая Государственная дума // Отечественная история. 1996. № 4. С. 60–71.
72. *Шелохаев В.В.* Предисловие // *Дёмин В.А.* Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 116–121.
73. *Цветков С.Э.* Александр Первый. М., 2005.
74. *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989.
75. *Янов А.Л.* Драма смутного времени: дело 1730 года // Полис. 1994. № 1. С. 159–177.